

13. Обозненко И.Е. Общественные инициативы Санкт-Петербурга в борьбе с проституцией // Вестн. общественной гигиены и судебной медицины. 1905. №11. С. 1671–1689.

14. Отчеты о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1914. СПб. : Тип. МВД, 1905–1916.

15. Протопопов Ю.М. Два случая неполового заражения сифилисом // Воен.-мед. журн. 1904. №12. С. 739–741.

16. Рубиновский А.Л. Как следует бороться с распространением сифилиса // Журн. рус. о-ва охранения народного здоровья. 1897. №4. С. 467–472.

17. Скаткин Н. Распространение сифилиса и его амбулаторное лечение в Московском уезде // Вестн. общественной гигиены и судебной медицины. 1896. Т. XXX. Кн. 2. №5. С. 91–113.

18. Соболевский, А.В. О лечении сифилиса в войсках // Воен.-мед. журн. 1902. № 12. С. 4506–4607.

19. Тихомиров В.В. Два случая внеполового шанкра и несколько слов о мерах против распространения венерических болезней в войсках // Воен.-мед. журн. 1900. №12. С. 3497–3503.

20. Топалов С.И. К казуистике злокачественно-го сифилиса // Воен.-мед. журн. 1904. №7. С. 608–612.

21. Уваров М.С. О санитарном значении отхожих промыслов в отношении Тверской губ. // Журн. рус. о-ва охранения народного здоровья. 1895. №2. С. 140–142.

22. Федоров А.И. Деятельность Санкт-Петербургского врачебно-полицейского комитета за период 1888–95 гг. // Вестн. общественной гигиены и судебной медицины. 1896. №11. С. 178–194.

23. Чалин А.А. Отчет по Нижегородской ярмарке женской больницы за 1900 г. // Вестн. общественной гигиены и судебной медицины. 1901. №2. С. 166–173.

24. Чистяков М.А. Значение старорусских минеральных вод в лечении сифилитиков // Вестн. общественной гигиены и судебной медицины. 1895. Т. XXVI. Кн. 1. С. 1–11.

Medical workers of Russia in the fight against syphilis (based on the materials of All-Russian medical periodicals of the 1894–1914)

There is suggested the analysis of medical journals of the 1894–1914 in the category “syphilis”. There is shown the quantification methodology of historical science in handling the materials of medical periodicals and finding the latent information that cannot be found in other historic sources.

Key words: *periodicals, historic source, syphilis.*

Т.И. ПАШКОВА
(*Санкт-Петербург*)

«НОВАЯ ШКОЛА» И.А. СМИРНОВА И Л.Д. ЛЕНТОВСКОЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВА КАЗЕННОЙ ГИМНАЗИИ НАЧАЛА XX века*

На основе архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, рассматривается история частного учебного заведения И.А. Смирнова и Л.Д. Лентовской. Доказывается, что подобные учебные заведения, несмотря на все «трудности роста», представляли собой вполне реальную альтернативу выхода из кризисного состояния, в котором оказалась российская средняя школа в начале XX в.

Ключевые слова: *реформа средней школы, автономия школы, частное учебное заведение, педагогический совет, родительский комитет.*

В ходе драматичных событий «школьной революции» 1905 – 1907 гг. в Петербурге в качестве альтернативы казенной школе, подвергавшейся в то время в обществе яростной критике, было открыто несколько новых частных учебных заведений. Одним из них было «Частное учебное заведение первого разряда И.А. Смирнова и Л.Д. Лентовской», официальной датой основания которого считалось 1 февраля 1906 г. [11. Л. 17]. Данная статья посвящена анализу обстоятельств и целей учреждения названного учебного заведения в контексте революционных событий 1906 – 1907 гг., контингента преподавателей и учащихся, а также особенностей организации учебно-воспитательного процесса.

Школа была основана в тот период, когда, по словам ее учительского коллектива, в большинстве учебных заведений столицы установились «ненормальные отношения» между учащимися и «педагогическими корпорациями» [10. Л. 1 об.]. Задачи, которые ставились при ее создании, формулировались следующим образом: «создать новую школу, отвечающую всем требованиям современной педагогики и помочь тем ученикам, для которых обстановка казенных учебных заведений была настолько тяжела, что они вынуждены были

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант №11-01-00101а).

уйти оттуда, и дать им возможность окончить среднее образование» [12. Л. 23 об.].

Учредителями выступили жена инженера путей сообщения А.Н. Лентовского Л.Д. Лентовская и И.А. Смирнов, бывший директор Ларинской гимназии, занимавший этот пост в 1890–1906 гг. [15, с. 105; 16, с. 115]. О причинах, по которым И.А. Смирнов оставил службу в казенной школе, можно только догадываться. Скорее всего это было связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, ученики и некоторые преподаватели его заведения принимали весьма активное участие в событиях «школьной революции» [4. Л. 20–21, 157–160; 1]. Во-вторых, сам И.А. Смирнов был сторонником идеи развития общественного начала в средней школе, ее полной самостоятельности и устранения излишней административной опеки, что в корне противоречило текущей политике Министерства народного просвещения. Будучи осенью-зимой 1904 г. членом комиссии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа П.П. Извольского, решавшей вопрос о преодолении «розни семьи и школы», директор Ларинской гимназии, хотя и занимал, в отличие от некоторых своих коллег, вполне умеренную позицию, высказывался за устройство родительских собраний, допущение родителей на уроки, устройство родительских кружков и т.д. При этом уже тогда он, наряду с известным петербургским педагогом Я. Г. Гуревичем, утверждал, что новые порядки можно вводить только во вновь создаваемых учебных заведениях, а серьезное реформирование казенных школ – дело далекого будущего [9. Л. 3–3 об., 6 об.]. Можно также предположить, что администрация Ларинской гимназии (прежде всего директор) и педсовет отнеслись более-менее лояльно к бунтовавшим школьникам, пошли на некоторые уступки (в частности, был разрешен старостат), и это обстоятельство также не могло остаться незамеченным окружным и министерским начальством [1; 2].

Другими членами педагогического коллектива нового учебного заведения, на служебную карьеру которых самым непосредственным образом повлияли события «школьной революции», были В.К. Иванов и Э.К. Проктор. Первый был штатным преподавателем все той же Ларинской гимназии и по совместительству работал в Первом реальном училище, второй также служил в Первом реальном училище. Именно в этом учеб-

ном заведении в самые «горячие» революционные дни осени 1905 г. произошел серьезнейший конфликт между педагогическим коллективом и администрацией училища. Несколько учителей (в том числе В. К. Иванов) заявили о своем присоединении ко всеобщей политической забастовке, затем педагоги выразили свое недоверие начальству, за что были уволены со службы и отданы под суд [7. Л. 11–12]. Однако утверждение, содержащееся в перехваченном Департаментом полиции восторженном письме ученика Е. Лучинского адресату в Варшаве от 12 февраля 1906 г. о том, что новая «Смирновская гимназия» – это открывшийся вовремя «предохранительный клапан», где *все* (курсив наш. – Т.П.) педагоги и учащиеся – уволенные из других учебных заведений [14. Л. 20], представляется серьезным преувеличением. В связи с «неблагоприятными» сведениями о школе, ставшими известными Департаменту полиции, министр народного просвещения направил запрос попечителю столичного учебного округа. Попечитель указывал, в частности, что среди преподавателей есть «несколько лиц, лишившихся уроков в казенных учебных заведениях» (помимо Э.К. Проктора были перечислены преподаватели русского языка П.Л. Маштаков и Н.И. Чернякин, латыни Б.Г. Лео, истории А.А. Герке), но «большинство состоит на службе и в настоящее время в разных казенных заведениях». Управляющий округом подчеркивал, что все педагоги «имеют надлежащий образовательный ценз и ведут дела вполне удовлетворительно, некоторых из них можно даже назвать талантливыми преподавателями» (Там же. Л. 35 об.).

Воспользоваться открывшейся возможностью «закончить среднее образование» в стенах новой школы поспешили как учащиеся столичных учебных заведений (Ларинской, Введенской, Десятой, Седьмой гимназий, гимназии Видемана, I и III реального училищ, реального училища Богинского, Тенишевского училища и др.), так и иногородние, переведшиеся из Кронштадтской, Московской 3-й, Варшавской 3-й, Киевской гимназий, Виленского реального училища. При этом не случайно большая часть учеников выбыла (принудительно или добровольно) из Ларинской, Введенской гимназий и I реального училища, где события «школьной революции» приобрели особенно бурный характер.

Анализ сохранившихся документов училищного фонда позволяет заметить, что новое учебное заведение в своих основополагающих принципах претендовало на то, чтобы существенно отличаться от казенной школы, даже противопоставляло себя ей. На первых же педсоветах, состоявшихся в феврале-марте 1906 г., педагоги новой школы попытались решить немало принципиальных вопросов. Во-первых, сразу были дозволены кружки самообразования, деятельность которых должна была регулироваться педсоветом, а сами кружки преследовать исключительно научные цели. Кроме того, ученики просили разрешить им заведовать под руководством преподавателей библиотекой, читальней и школьным буфетом, что и было сделано [10. Л. 1 об., 5]. Во-вторых, существовавшая в казенной школе балльная система была признана нежелательной как «противоречащая принципам педагогики», и во всех классах, кроме выпускного, ее было постановлено заменить на краткие ежемесячные характеристики учеников. Исключение было сделано только для выпускников, поскольку в их аттестатах нужно было выставлять баллы по существующей системе. Педагоги высказались также против переходных экзаменов, считая их «не достигающими своей цели и с педагогической точки зрения вредными» [10, Л. 1 об., 16 об.]. В-третьих, было принято решение, что по приглашению педсовета на его заседаниях могут присутствовать члены родительского комитета с правом совещательного голоса (при этом подразумевалось, что председатель родительской организации присутствует на этих заседаниях постоянно с правом решающего голоса) [10. Л. 2; 13. Л. 2]. Так учителя сразу же продемонстрировали свою открытость и готовность к диалогу с родителями учеников, что опять-таки расходилось с представлениями Министерства народного просвещения о способах «преодоления розни между семьей и школой». Дело в том, что, согласно министерскому циркуляру от 26 ноября 1905 г., учреждавшему в учебных заведениях родительские комитеты, о присутствии их членов на заседаниях педсовета не было и речи, в то время как общественность требовала этого неоднократно [3, № 142; 8, с. 44–57]. Кроме того, уже на этапе переговоров об открытии школы, в январе 1906 г., Л.Д. Лентовская и И.А. Смирнов подали прошение министру о совместном обучении мальчиков и девочек по программам мужских средних учебных заведений, на-

чиная с подготовительного класса по примеру «пансиона госпожи Левицкой в Царском Селе и заграничных средних школ» [5. Л. 2]. К этому вопросу педагоги возвращались на заседании педсовета 4 мая 1906 г. и 2 мая 1907 г. [10. Л. 25 об.; 11. Л. 59]. Дело тормозилось отсутствием надлежащего помещения, поэтому было принято решение о его поиске и введении совместного обучения с 1908/09 уч. г. Наконец, с ноября 1906 г. на заседания педсовета с правом совещательного голоса стали приглашаться члены родительского комитета (постоянно) и представители учеников гимназии (периодически, когда это было необходимо в «педагогических целях») [11. Л. 25]. Итак, этот перечень свидетельствовал о том, что большая часть учителей новой школы была настроена (насколько это было возможно) оппозиционно по отношению к порядкам казенных гимназий и поддержала некоторые мероприятия из того «нового курса», который был взят И.А. Смирновым еще в Ларинской гимназии до его увольнения [2. Л. 94 об.].

Однако довольно быстро между педагогами и учредителями гимназии (И.А. Смирновым и Л.Д. Лентовской) возник конфликт. Он был связан с различным пониманием сторонами тезиса об «автономии» школы. Главная проблема заключалась в том, что учредители готовы были полностью передать в руки педсовета учебно-воспитательную сторону, но при этом, говоря об автономии, считали учебное заведение своей частной собственностью [10. Л. 11 об.]. К 25 апреля был выработан Устав, и педагоги заявили, что если Л.Д. Лентовская не согласится с теми пунктами, где говорилось об автономии педсовета в административно-хозяйственных вопросах, они откажутся от преподавания [10. Л. 21]. Надо отдать должное сторонам: стремление создать «нормальную» школу оказалось сильнее возникших разногласий, поэтому им удалось достичь желаемого компромисса.

Другая «болезнь роста» новой школы была связана с процедурой получения от Министерства народного просвещения прав правительственных (т.е. казенных) учебных заведений. Вплоть до начала марта директор И. А. Смирнов надеялся на соответствующее решение чиновников ведомства – в таком случае выпускники могли бы сдавать экзамены в стенах училища в присутствии депутата от учебного округа (Там же. Л. 10).

Однако министерство в конечном счете ответило отказом. И.А. Смирнову пришлось удовлетвориться тем, что выпускники классического отделения должны были экзаменоваться в Десятой гимназии, а реально – во II реальном училище (т.е. фактически проходить испытания в качестве экстернов). Такой исход вызвал выражение открытого недовольства ряда учащихся 8-го класса, которые заявили, что поступили в школу только потому, что были уверены в получении аттестатов зрелости [10. Л. 10–10 об., 36 об.–37]. Некоторые молодые люди прямо намекнули директору, что за 80 руб. (такова была годовая плата в его школе) рассчитывали без хлопот получить аттестат (т.е. фактически его купить), а раз придется сдавать экзамены в казенных учебных заведениях на общих основаниях, потребовали вернуть половину суммы или всю сумму платы за учение. После обсуждения этого вопроса педсовет принял решение вывесить объявление о том, что те ученики выпускных классов, которые посчитали себя обманутыми в своих ожиданиях, могут забрать обратно документы и деньги (Там же. Л. 17 об., 37 об.). В начале сентября 1907 г. И.А. Смирнов предложил коллегам перейти в ведомство Министерства торговли, однако многие преподаватели высказались против, поскольку «с введением коммерческих предметов придется перестраивать всю программу и перестройка эта вредно отразится на постановке учебного дела» [11. Л. 3–3 об., 7]. Через некоторое время окончательно проявилась причина отказа министерства просвещения, для которого И.А. Смирнов стал персоной non grata. Непременным условием получения прав ведомство поставило его полное устранение от дел училища. На заседании педсовета 23 сентября директор объявил, что он готов пожертвовать собой для блага школы, отказаться от прав учредителя и, если будет нужно, от названия учебного заведения его именем. Телеграммой из Астрахани было получено согласие на это Л.Д. Лентовской, и дальнейшие переговоры о судьбе училища продолжил В. К. Иванов, избранный своими коллегами заведующим [11. Л. 7–8 об.]. 22 декабря 1906 г. состоялось постановление попечительского совета Санкт-Петербургского учебного округа «в благоприятном для училища смысле». Наконец, 1 марта 1907 г. появилось предложение министерства просвещения о предоставлении заведению прав и наименования «частная гимназия и

реальное училище Л.Д. Лентовской» (Там же. Л. 31, 46). Казалось бы, ситуация разрешилась благополучно для школы. Однако давление и бюрократические «путы» министерства были, видимо, столь сильны, что 13 ноября В.К. Иванов, выступая с докладом на общем собрании родителей, сообщил, что «выгоды от приобретения прав сомнительны, а отрицательные стороны слишком тяжелы и могут служить серьезным препятствием в стремлении устроить школу нового типа», поэтому педагогический коллектив своим постановлением от 7 октября решил окончательно отказаться от этой идеи [13. Л. 16 об.; 12. Л. 18 об.–19 об.].

Подведем некоторые итоги. Обстоятельства, в которых появилась на свет школа Смирнова–Лентовской, были, по существу, чрезвычайными. Контингент учащихся, пришедший в условиях «школьной революции» в новое учебное заведение, также был непростым. Однако педагогическому коллективу, воодушевленному идеей демократической реформы средней школы, удалось найти общий язык как с родителями, так и с гимназистами. Важно отметить, что педагоги были готовы идти на диалог с теми и с другими, а также на необходимые компромиссы в ходе решения текущих учебно-воспитательных проблем. Однако Министерство народного просвещения и большинство педагогов казенной средней школы склонялись к другому, традиционному, пути «закручивания гаек». Тем не менее история этой гимназии свидетельствует, на наш взгляд, о том, что существовали альтернативные и достаточно действенные способы выхода из кризиса школьной системы начала XX в.

Литература

1. Годовой отчет Ларинской гимназии за 1905 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 276. Оп. 1. Д. 2765.
2. Годовой отчет Ларинской гимназии за 1906 г. // ЦГИА СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2790.
3. Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX – начало XX века : сб. док. СПб., 2000.
4. О волнениях среди учащихся средних учебных заведений // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10236.
5. О правах гимназии // ЦГИА СПб. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2.
6. О присоединении учителей к политической забастовке // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10188.

7. Об участии в беспорядках, политических демонстрациях учеников и преподавателей средних учебных заведений // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10237.

8. Пашкова Т. И. «Здесь нужна бескорыстная любовь и гнетущая душевная боль отцов и матерей за благо и лучшее будущее своих детей...» (к вопросу о возникновении родительских организаций в петербургских гимназиях) // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: История. 2011. Вып. 3. № 19.

9. По вопросу о сближении школы с семьей и о родительских комитетах // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9906.

10. Протоколы педагогического совета частной гимназии и реального училища Л.Д. Лентовской // ЦГИА СПб. Ф. 141. Оп. 1. Д. 22.

11. Протоколы педагогического совета частной гимназии и реального училища Л.Д. Лентовской // ЦГИА СПб. Ф. 141. Оп. 1. Д. 23.

12. Протоколы педагогического совета частной гимназии и реального училища Л.Д. Лентовской // ЦГИА СПб. Ф. 141. Оп. 1. Д. 41.

13. Протоколы Родительского комитета частной гимназии и реального училища Л.Д. Лентовской // ЦГИА СПб. Ф. 141. Оп. 1. Д. 24.

14. Сведения по учебным заведениям по Санкт-Петербургской губернии // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 103. 00. 1906. П. Д. 3. Ч. 17.

15. Список лиц, состоящих на службе в Санкт-Петербургском учебном округе к июлю 1905 г. СПб., 1905.

16. Список лиц, состоящих на службе в Санкт-Петербургском учебном округе на 1907 г. СПб., 1907.

“New school” of I.A. Smirnov and L.D. Lentovskaya as the alternative to the state grammar school of the beginning of the XX century

On the basis of the archival sources first introduced into scientific use there is considered the history of the private educational institution of I.A. Smirnov and L.D. Lentovskaya. There is proved that such institutions, in spite of all the “difficulties of development”, were a real alternative of the way out of the crisis of the Russian secondary school at the beginning of the XX century.

Key words: *reform of secondary school, school autonomy, private educational institution, teaching council, parents’ committee.*

А.В. ГАЙДАШЕВ
(Волгоград)

ПОДГОТОВКА ПАРТИЙНЫХ КАДРОВ НА ТЕРРИТОРИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1945 гг.

На примере Сталинградской области представлена одна из наиболее существенных проблем середины XX в., затронувшая все сферы социальной жизни, – обеспечение профессиональными кадрами агитационно-пропагандистского аппарата в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: агитация, пропаганда, кадровый состав, Вечерний университет марксизма-ленинизма, Сталинград, Великая Отечественная война.

Великая Отечественная война была не только противостоянием количества и качества военной техники, живой силы, стратегии и тактики. Это была война двух мировых политических систем – фашизма и социализма, двух идеологий, где мощным оружием стала пропаганда. Она велась с обеих сторон, в тылу и на фронте, и во многом определила исход войны, побуждая людей порой жертвовать своими жизнями ради победы.

Начало войны при сохранении основных приоритетов агитационно-пропагандистской работы, направленной на возвеличивание советского строя и социалистической родины, прославление советского человека, привело к перестройке самого содержания этой работы. Центральное место заняли темы войны и патриотизма – они определяли язык пропаганды, ее формы, методы, направления, эффективность. Агитация была рассчитана на изменившееся сознание человека войны. Она приблизилась к решению конкретных задач: мобилизации трудового порыва при строительстве оборонительных рубежей; выпуску новой военной техники и вооружения; принятия оперативных мер к эвакуации ценного имущества и населения из прифронтовых районов; обеспечению советских воинов теплыми вещами; осуществлению военных займов и распространению денежно-вещевой лотереи среди населения и т.д. И ее проводниками стали многочисленные агитаторы и пропагандисты, которыми было наполнено советское общество. В их лице мог выступать фактически каждый,